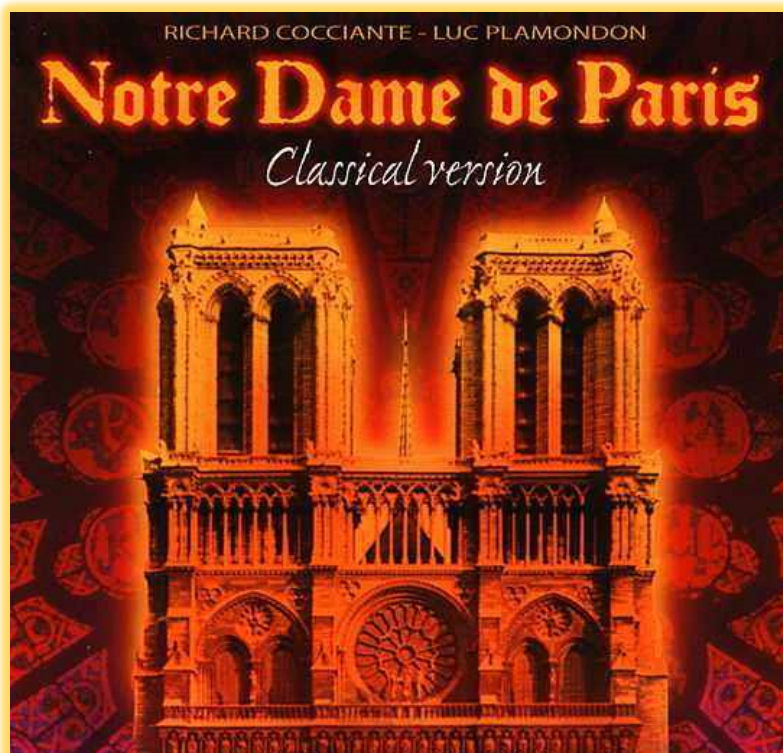

**Тереза Стизорик.
Нотр-Дам де Пари.
Комментарий Переводчика
и дополнительные тексты**

I. Le Temps Des Cathedrales

31 июля 2011 года... Спустя девять лет после весеннего безумия '2002 – очень странно рассказывать о моём увлечении "Нотр-Дам де Пари" уравновешенным тоном. Весной 2002 – этот мюзикл сметал с пути мои привычные пристрастия с неуправляемым размахом канадского торнадо...

Здесь, после слов *привычные* пристрастия, хотела написать, что к мюзиклам всегда относилась прохладно, но, возможно, я просто недостаточно отчётливо различаю границы этого жанра. В детстве – я провела немало приятных вечеров в театре оперетты, а сюжетные альбомы полюбившихся в юности исполнителей – представляли собой краткие рок-оперы, подлинные музыкальные моноспектакли. Я заслушала до дыр "The Wall" Pink Floyd и засмотрела до дыр "Танцующую в темноте" с моей любимой Бьорк. Так что будет неправильно сказать, что увлечение "стопроцентным", классическим мюзиклом – возникло из ниоткуда.

...Тем более, что Автор истории, заложенной в основу мюзикла, был мной любим с малых лет! Романами Виктора Гюго – зачитывалась в совсем раннем возрасте, многие главы – делая сюжетами своих детских игр. Правда, "Собор Парижской Богоматери" был лишь на третьем месте в списке любимых произведений Гюго, возглавленном "Человеком, который смеётся" и, как ни странно, "Отверженными" (сейчас вижу что-то мазохистское в том, как жадно – *оторванная от реальности* маленькая мечтательница вчитывалась в вопиюще *реалистичное* повествование о борьбе горячих живых сердец с беспощадной жестокостью жизни). "Человек, который смеётся", вообще, одна из самых *перечитываемых* мною книг; до сих пор понимаю, почему Гюингпен – был объектом моих первых *желаний*, и почему в "декорациях" его мира я хотела *пожить*... Романтических фантазий, связанных с кем-либо из героев

"Нотр-Дама", не припомню, но среди всех персонажей – Фролло, определённо, был мне симпатичнее других, и перечитывая "Нотр-Дам" в 2002-м, я с восторгом обнаружила на полях рядом с его словами "выбирай: могила или моя постель!" хулиганскую подпись моей *детской* рукой: "Где тебе будет удобней, милый". ☺ ☺ ☺

Мюзикл "Notre-Dame de Paris" – впервые увидела 7 апреля 2002 года. Необычно то, что мой интерес к нему – начался не с *песни*, а с *фотографии*. Подруга по переписке – в письме, символично написанном в день рождения Даниэля Лавуа (о чём ни она, ни я – тогда не знали), рассказала о том, как впечатлил её этот Спектакль, и посоветовала его посмотреть. Но совет был бы проигнорирован и забыт, если бы она не приложила к письму распечатанный в цвете кадр Спектакля. Кадр с Даниэлем Лавуа в роли Клода Фролло.

"**Ого**", – сказала я и отправилась на поиски видео. Если бы ни песни мюзикла, ни голос Лавуа мне не понравились, я отключила бы звук – и просто *смотрела* на этого Фролло дни напролёт...

Но звук отключать не пришлось ☺.

Думаю, "Нотр-Дам" – понравился мне прежде всего своей *динамичностью* (как музыкальной, так и постановочной). Когда тебе двадцать один год и твоя жизнь это стремительное, пылкое чередование событий и настроений, "музыкальное сопровождение" этого чередования – должно *совпадать* с ним по темпу и экспрессии. Вот "Нотр-Дам" и *сознал*. Мои мысли устремлялись к этим мелодиям и персонажам днём и ночью, а если уж я включала партии Фролло, они проигрывались на повторе по многу часов непрерывно. Вскоре мне уже было мало французской версии – и я слушала поочерёдно английскую, итальянскую, испанскую...

Только *испанская* версия для меня – была равна по силе французской. Испанский – язык роковых страстей, и эта история, ими пронизанная, зазвучала на нём едва ли не органичнее, чем на языке оригинала, слегка *сглаживающем* эмоциональные

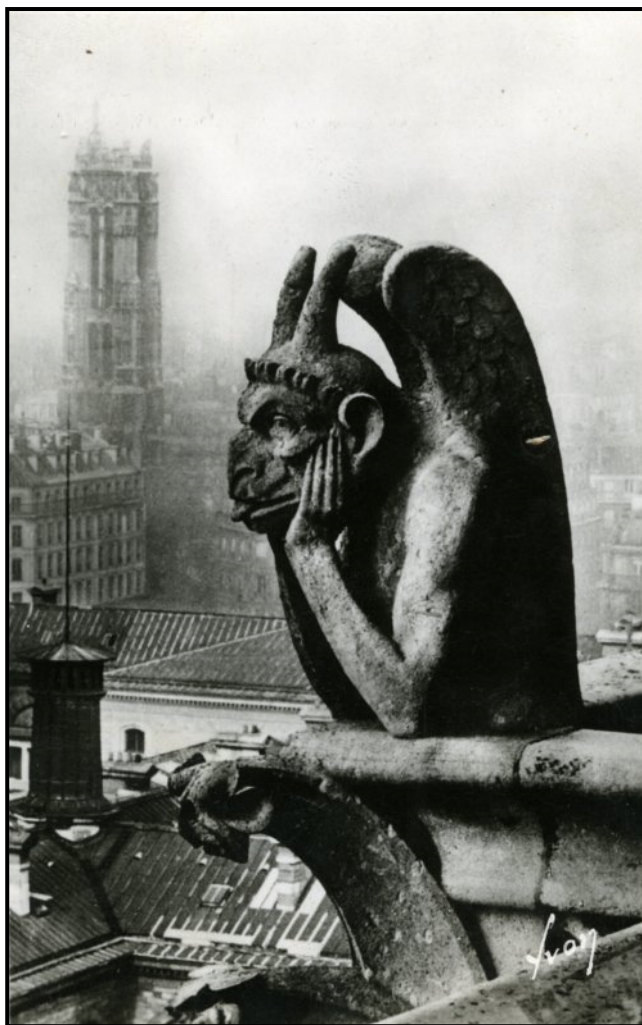
пики своей романтической *деликатностью*. "Одной рукой ласкай меня, а другой терзай меня!" – в испанцах говорит *сама кровь*. То, чего касаются испанцы, помимо их воли обретает шлейф мистики и отблеск огня. Слушать "Notre-Dame de Paris" на испанском и из уст испанцев – как смотреть сквозь витраж на пляшущее пламя, охватившее церковь, как щекотать сердце остриём ножа. Любопытно, что даже звон колоколов, часть одной на все страны фонограммы, – на фоне испанских голосов звучит *по-испански*: солнцепёк и мантильи, и оливы у подножья Храма. Красота, красота. Пламя и красота.

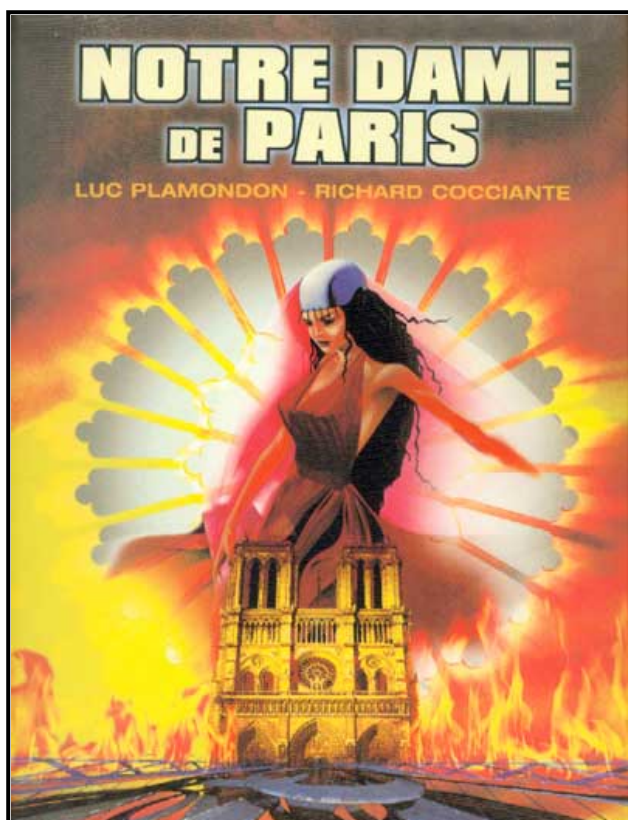
Помимо участия Даниэля Лавуа, версия английская – была интересна *прямолинейностью* подачи текста. Слушая мюзикл на разных языках, я также перечитывала роман Гюго в разных переводах, и та же самая особенность привлекала моё внимание в "Соборе Парижской Богоматери" по-английски. Перевод на современный английский – как будто делает все фразы однозначнее, словно форма их – не в силах прикрыть наготу содержания, и в сценах любовных мечтаний и признаний – это производит почти шокирующий эффект (желающий – может проверить сам: де Сад на французском – воспринимается *просто*, чем Песнь Песней на английском). Даже сейчас – не могу без румянца на щеках вспоминать о тогдашнем румянце на моих щеках ☺...

Русскую "официальную" версию слышала только дважды, в зрительном зале, – не переслушиваю... но кто знает, когда *повлечёт*... В русских составах есть очень талантливые исполнители, но к переводу мюзикла – душа до сих пор не легла: для меня многовато недолюбливаемых нелитературных оборотов и маловато совпадения с первоначальным замыслом композитора. Из всех тамошних переводов – симпатичны два: "Visite de Frolo a Esmeralda" (есть в этих словах что-то, от чего – холодок по коже, а так и было задумано) и "Etre Prêtre et aimer une Femme" (хороши припев и настроение, и фразы в целом заметно стройнее, чем в остальных текстах).

Самыми любимыми песнями оригинала – стали, *помимо* песен в исполнении и с участием Фролло, "Le Temps Des Cathédrales", "Les Sans-Papiers", "Ces Diamants-La", "La Fête Des Fous", "L'enfant Trouvé", "Les Portes De Paris", "La Cour De Miracles", "Déchiré", "Les Cloches", "La Monture", "Lune". Из партий Фролло – навсегда непревзойдёнными останутся для меня "Tu vas me détruire" и "Un Matin tu dansais" в исполнении Лавуа.

После "Нотр-Дама" – только один музыкальный спектакль вызвал равную бурю эмоций и стихов. Зимой на 2006-й год – я была до полубеспамятства влюблена в советскую рок-оперу "Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты" (композитор Алексей Рыбников, стихи Павла Грушко). Как и в случае с "Нотр-Дамом" – не обходится без *рецидивов*, и временами я не могу оторваться от этого альбома сутки напролёт, обнимая его музыку всей чувственностью и пропуская его образы сквозь каждую фибру воображения. Если ты не слышал "Звезды и Смерти...", мой Гость, – очень советую! Как минимум, сможешь высказать всё, что думаешь о моём переводе "Нотр-Дама", под звуки композиции "Шествие к могиле Терезы". ☺

II. Переводы

...Сама я отношусь к чужому "вмешательству" в творчество моих любимых Авторы очень доброжелательно. Я могу не понять, не полюбить, никогда не перечитать, не переслушать, не пересмотреть переделок, переводов, перепевов, пересъёмок моих любимых произведений, но в душе я искренне благодарна за их существование, и даже если другой творческий человек вытворил с ними что-то уж совсем несуразное, к мысленному упреку – всё равно примешивается частичка *тепла*. Когда кого-то вдохновляет именно то, что тебе дорого, хотя на свете предостаточно других источников вдохновения, – это хоть в мизерной, в самой крохотной мере, но душевное родство. А родственников, как известно, не выбирают.

Мой перевод "Notre-Dame de Paris" датирован июнем 2002, но четыре песни были переведены чуть раньше, на волне

первых впечатлений. Самой первой была песня "Tu vas me détruire" (11 апреля 2002), затем "Etre Prêtre et aimer une Femme" (ночь 16 – 17 апреля), "Belle" (24 апреля) и "Les Sans-Papiers" (25 апреля). Ещё не решив перевести мюзикл целиком и потому не концентрируясь на одной французской версии, в русском тексте первых двух песен – я объединила слова Люка Пламондона со словами Уилла Дженнингса, автора англоязычного либретто. Из сентиментальных соображений я не стала переписывать заново эти "смешанные" тексты, сделав лишь небольшие правки "в сторону Пламондона". Но моя ненасытная сентиментальность – просит оставить на память и версии без правок, эти *архивы искр*, от которых разгорелся пожар.

Перевод всех партий Фролло – посвящён Облаку. Это прозвище моего приёмного отца. С теплотой вспоминаю, как мой любимый папа, педагог-репетитор по классу фортепиано и сценического вокала (!), просил приходящих на домашние занятия ребят развлекать меня подбором на слух мелодий "Нотр-Дама" между исполнением сочинений Бетховена и Шопена, а также играл и пел для меня сам. Многие мои переводы – были нами опробованы здесь же, у его домашнего "фона", и мой папа, этот консерватор, считающий Карла Орффа эстрадой, безусловно открылся своим ученикам (и своим соседям!) с новой стороны, в полный голос, с выражением – распевая арии влюблённого священника из современного мюзикла. Количеством и качеством "бисов" на радость Терезе – и заслужено отдельное *посвящение*.

Ты – моя погибель
(*"Tu vas me détruire"*,
первая редакция перевода)

...Не до конца мной понято, но до сих пор памятно – общее мнение не знакомых друг с другом людей, весной 2002 сказавших, что перевод *"Tu vas me détruire"* – это *концентрат примет* моего переводческого и сочинительского стиля, что в этом – вся я. Вряд ли это комплимент, потому что творческая манера Переводчика – не должна преобладать над манерой Автора, но приятно, что именно ЭТА песня – оставила на память больше всего "настоящей меня". Именно ЭТА...

Я стал смиреннее всех
И приучился страдать,
Но, поборов всякий грех,
Я пощадил эту страсть,

Я принял в дар эту скорбь,
Мою терновую ветвь:
В туманных снах – я с тобой,
Но каждый яркий рассвет –

Моя погибель, моя погибель,
И эта смерть – навек цена моей молитве.
Моя погибель, моя погибель...
Один твой взгляд – и миг, когда
Я отвожу мои глаза, –
Моя погибель,
Моя погибель,
Моя погибель.

Моё затмение, мой грех,
Свою любовь пробуди.
Я знал – спасения нет,
Ты не позволишь спастись,

Над моим сердцем – твоих
Колец танцующих звон!
Не прячь глаза от Судьбы!
Я жив надеждой, но в том

Моя погибель, моя погибель,
И эта смерть – навек цена моей молитве.
Моя погибель, моя погибель...
Один твой взгляд – и миг, когда
Я отвожу мои глаза, –
Моя погибель,
Моя погибель,
Моя погибель.

Ты как весна ворвалась
И вмиг повергла к стопам
Мою решимость и власть –
Теперь я близок к слезам.

Нет жажд иных на Земле!
Я стал бы, вхожий в костры,
И на последнем огне
Твоим спасеньем, но ты

Моя погибель, моя погибель,
И эта смерть – навек цена моей молитве.
Моя погибель, моя погибель...
Один твой взгляд – и миг, когда
Я отвожу мои глаза, –
Моя погибель,
Моя погибель,
Моя погибель.

перевод: вечер 11 апреля 2002 г.

Я – священник, и я – люблю...

*("Etre Prêtre et aimer une Femme",
первая редакция перевода)*

До взгляда на тебя
Я знал душевный мир,
Где все желанья прочь я отпустил.

Перед властью страстей
Я был чист и падений не знал.
Божья воля и мой крест – всё, чего я желал.

О,
Я – священник, и я – люблю!
Люблю –
Так, что душу обрёк свою.

Осуждённый на власть,
Я измучен и слаб –
Связан тем, как превознёс мой Нотр-Дам.

Ты вошла в мои сны,
Огонь в них бередея.
Я забудусь в ознобе – и очнусь, горя!

О,
Я – священник, и я – люблю!
Люблю –
Так, что душу обрёк свою.

Создателю служа,
Всех женщин я отверг,
Мою ночь озарял Его влекущий свет.

Ты прошла меж молитв:
Я смотрю, трепеща!
Мой день начался – и твой шаг зазвучал.

О,
Я – священник, и я – люблю!
Люблю, да, люблю, –
Так, что душу обрёк свою.
О,
Я – священник, и я – люблю!

Прикоснись ко мне
Или снова рань,
Дай мне грех – и искупленьем стань.
Ввергни меня в ад
И крылья дай –
Ведь там, где ты, сам ад – мой рай!

О,
Я – священник, и я – люблю!
Люблю, да, люблю, –
Так, что душу обрёк свою.
О,
Я – священник, и я – люблю!
Люблю...

перевод: ночь 16 – 17 апреля 2002 г.

Сохранилось также несколько *белорусскоязычных* версий текстов "Notre-Dame de Paris".

Час Катэдраў
(*Le Temps Des Cathédrales*)

Паданні даўнія свае
Парыж цудоўны нам пяс,
Каб мы маглі пабачыць з ім
Жадання і любові дні.

Невядомыя для вас,
Мы, пісьменнік ці спявак,
Паспрабуем дайсці ізноў
Да сэрцаў слухачоў.

Да нас ізноў прыходзіць Час Катэдраў!
І, з векам у крок,
Мы будзем новы свет.
Мы прагнем дасягнуць вышэй за неба,
Спазнаць свой выток
І ў жыцці пакінуць след.

І мы збіраем камяні,
Каб у вяках перамагчы
Усё скарыўшы небасхіл –
Праз пабудовы рук сваіх.

Час мінае, але Паэт
Пра каханне складае спеў,
Як дарунак – заместа слёз –
Надзей на лепшы лёс.

Да нас ізноў прыходзіць Час Катэдраў!
І, з векам у крок,
Мы будзем новы свет.
Мы прагнем дасягнуць вышэй за неба,
Спазнаць свой выток
І ў жыцці пакінуць след.

} 2 р.

Але мы не ўтрымалі Час Катэдраў,
Злачынцы прыйшлі,
Каб святое зруйнаваць.
Дык уваходзь, захопнік, носьбіт зменаў,
У сэрца Зямлі,
Што нам трэба ўратаваць!
Свет патрэбна ўратаваць!

пераклад: ноч 23 – 24 чэрвеня 2002 г.

Я святар і люблю цябе
(*Etre Prêtre et aimer une Femme*)

Здаецца, енк таму
Спакойны быў мой свет,
І лёс мой быў шчаслівы без цябе.
І да страсці нахіл
Адзінота стрымаць магла.
Кіравалі мной адны
Мой Бог ды вера мая.

О,
Я святар і люблю цябе.
Люблю!
Больш нічога не існуе!

Я не думаў раней
Пра спакус акіян,
Я – быў моцны духам, нібы гэты Храм.
І з'явілася ты,
Мой грэх, анёл і кат, –
Абудзіць да жыцця атручаны вулкан.

О,
Я святар і люблю цябе.
Люблю!
Больш нічога не існуе!

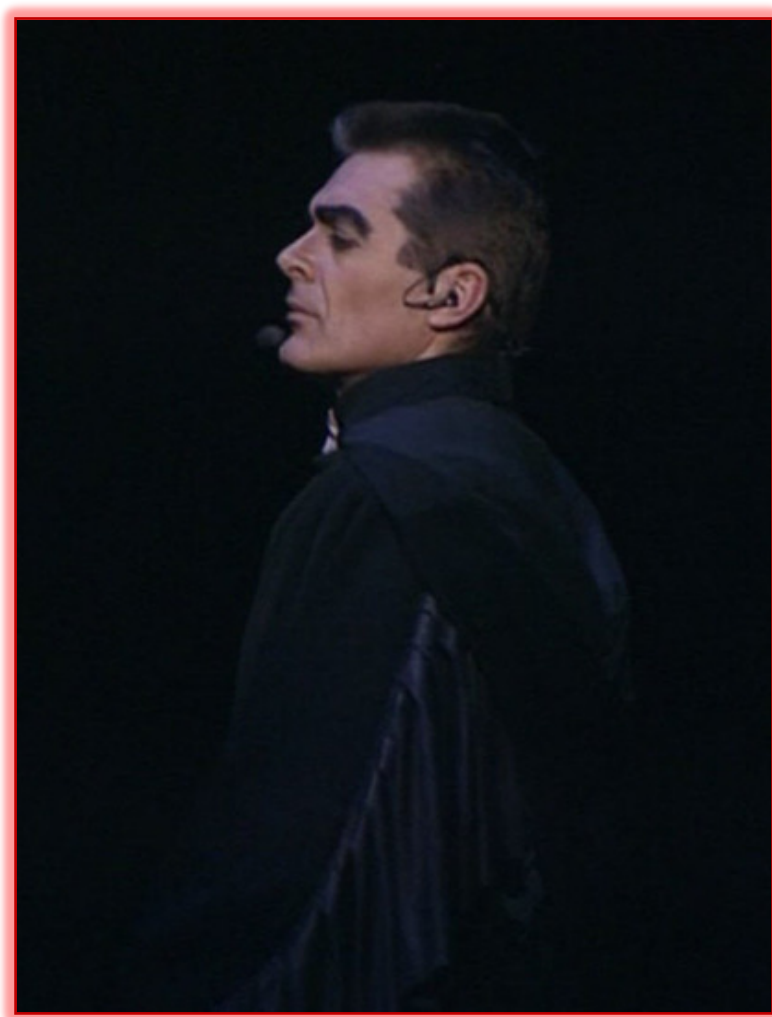
Я пазбягаў жанчын –
У мальбах ноч і дзень,
І мяне – уначы – нябёсны вёў прамень.
Але ўранку пачуў
Праз акно – з плошчы спеў...
О, на гора тым золкам – цябе я сустрэў!

О,
Я святар і люблю цябе.
Люблю! Так, люблю!
Больш нічога не існуе!
О,
Я святар і люблю цябе...

Лёд з адной рукі –
І цяпло з другой!
Дазволь суцешыць твой боль.
У пекле тваім
Дай быць з табой,
Бо гэта рай адзіны мой.

О,
Я святар і люблю цябе.
Люблю! Так, люблю!
Больш нічога не існуе!
О,
Я святар і люблю цябе...
Люблю...

пераклад: 24 чэрвеня 2002 г.

Ты мая гібель!!!

(Tu vas me détruire)

Жадання хвалі ўва мне –
Адно з жыццём і крывёй.
Маіх маленняў замест –
Я апантаны табой.

На гэтай бездані дне
Згубіць свій розум хачу,
І што прымусіць мяне
Дакор сумлення адчуць?!

Ты мая гібель, ты мая гібель,
Мае праклёны і ў адчаі, і ў спачыне.
Ты мая гібель, ты мая гібель,
І я прадбачыў мой палон
Ад першай мроі першых дзён!
Ты мая гібель,
Ты мая гібель,
Ты мая гібель!

Мая пакута, мой сум,
Ты спапяляеш ушчэнт,
Ты сама сутнасць граху,
Усё вар'яцтва начэй!

Калі я смерці жадаць
Пачну табе і сабе,
Я буду зноў уяўляць
Твой кожны рух, кожны спеў!

Ты мая гібель, ты мая гібель,
Мае праклёны і ў адчаі, і ў спачыне.
Ты мая гібель, ты мая гібель,
І я прадбачыў мой палон
Ад першай мроі першых дзён!
Ты мая гібель,
Ты мая гібель,
Ты мая гібель!

Мой свет лічыў я зімой –
І ён адданы вясне!
Я адчуваў волі моц –
У пастках думкі мае!

Больш ні зары прамяні,
Ні зорны бляск у імгле
Не маюць тых таямніц,
Як позірк твой для мяне.

Ты мая гібель, ты мая гібель,
Мае праклёны і ў адчаі, і ў спачыне.
Ты мая гібель, ты мая гібель,
І я прадбачыў мой палон
Ад першай мроі першых дзён!
Ты мая гібель,
Ты мая гібель,
Ты мая гібель!

пераклад: 24 чэрвеня 2002 г.

Начатый в апреле 2002, перевод "Нотр-Дама" продолжился 10 июня текстами "Un Matin tu dansais" и "L'enfant Trouvé", а последней – я переводила песню "Lune", которая почему-то казалась мне "неприступной".

Уже смутно, но помню, какие тексты дались труднее всего, а какие – перевела на одном дыхании. "Лёгкими" песнями, перевод которых доставил массу удовольствия, были "Ces Diamants-La", "Déchiré", "Ave Maria Païen", "L'ombre", "Les Cloches", "Les Oiseux qu'on met en Cage", "La Monture". Очень трудно было уложить строки на ритм "La Sorcière", "Florence", "Où est-Elle?", "Dieu que le Monde est injuste". Менее, но трудно – на ритм "Vivre", "Mon Maître, mon Sauver". Оттого, конечно, что совсем плохо знаю французский (о том, как *весело* я читаю по-французски без словаря, можно судить по тому, как на днях, читая стихи Даниэля Лавуа, я перепутала слово "дуб" со словом "собачка" и, *читая о дубе как о собачке*, удивлялась: надо же, какое бредовое стихотворение... ☺), а словари и построчники не могут дать той свободы соучастия, какую даёт полное владение языком, – я никак не могла примирить для себя "прозаическое" *произношение* французских слов с их *исполнением* под музыку, не могла отследить "пляшущие" ударения, и при каждом прослушивании песни со сложным стихотворным размером – слышала новый ритм. Самым *хромым* – так и остался перевод любимой "Florence": как только я ни меняла текст! – но в итоге всё равно пришлось выбирать лучшее из худшего... ☹

Флоренция

("Florence", первая редакция перевода)

Фролло.

Начинай свой рассказ:
Что несёт Ренессанс?
Что воздвигнул Брамант?
Как сошёл Данте в Ад?

Гренгуар.

Флорентийцы теперь
Говорят о Земле –
Что кругла, что на ней
Есть иной континент.

Новой эры огни,
Ход Истории вех –
И уже корабли
Ищут Индии брег.

Фролло.

Лютер в Новый Завет
Новый смысл вложил –
Разногласий рассвет
Настигает наш мир.

Гренгуар.

Безымянный Гутенберг
Изменить лик мира смог.

Фролло.

В Нюрнберге создан был
Для печати книг станок.

Гренгуар.

Оды множатся что день,
Там воззвание, здесь памфлет.

Вместе.

Новизна идей
Захлестнула свет!

Гренгуар.

Камень точит вода –
Таков закон во всём:
Поэт над зодчим встал,
А книга над дворцом.

Фролло.

Пред книгою для школ –
Не выстоит Собор,
Душа – пред властью догм,
Пред человеком – Бог.

Смерть одного – в другом.

(Мой привет Фролло-москвичу)

Вместе.

Совершилось: ушли
Корабли в океан,
Начиная пути
К новым дней берегам.

После Лютера слов
Новых книг разворот –
Это двери в раскол,
Мы взошли на порог.

Смерть одного – в другом.
Смерть одного –
В другом...

перевод: 12 июня 2002 г.

...Да, знаю, что большинство Переводчиков песен – не придерживается строго ритма оригинала, и не спорю, есть свой интерес в том, что вольность построения текста – преображает мелодию на свой лад, открывая Слушателю её новые стороны, а порою случается и так, что *ошибка* Переводчика – становится *находкой*, в чём-то превзошедшей замысел Автора... Но всё-таки, моему сердцу и моему слуху – дороже те версии переведённых песен, где слова – следуют за ритмом оригинала с тем преданным обожанием, с которым Квазимодо следовал за подолом сутаны Фролло.

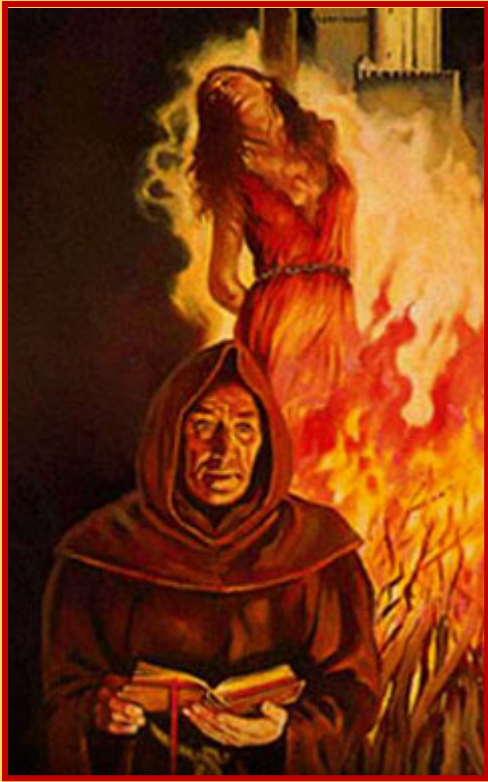
Для меня, привыкшей бороться за исходный ритм песен до последнего такта, самым сложным – всегда был вопрос, *что уместнее, что ценнее* в каждом отдельном "проблемном" случае: благозвучие менее удачных слов за счёт соответствия гениальной музыке или благозвучие менее точного ритма за счёт более удачных слов. Невыносимый выбор, порождающий россыпи дерзających друг другу вариантов... выбор, который не приходится делать тем, чьего таланта хватает и на удачные слова, и на точные ритмы равно.

*(25 мая 2002, Москва, премьерные времена русской версии.
Я (слева) и моя подруга демонстрируем изобретённые мной
"колдовские" фенечки со словом АНАГКН на алом фоне.)*

(25 мая 2002, репетиция, Александр Голубев показывает мне декорации, которые я так мечтала увидеть вблизи "живьём", что алый огонь в моих зрачках – не от вспышки, а от пожара эмоций...)

III. Весёленькое

И наконец – к весёленькому. Разбирая обрывки черновиков перевода "Нотр-Дама", нашла пару глупейших пародий на саму себя в качестве Переводчика и поклонницы Фролло. Мне до фанатского визга нравится читать подобный бред, написанный поклонниками произведений, которыми я увлекаюсь, и я думаю, среди тех ценителей "Нотр-Дама", которые по случайности *наткнулись* на мой сайт, обязательно окажется хотя бы один человек с похожим чувством юмора. Специально для него – эти стишки.

эпиграф
Начинайте себе это переводить
в Настоящий Момент,
потому что Последнего –
у вас может не быть.
Преподаватель

Допрос Номер Два (*Le Procès / La Torture*)

Фролло.

Зори Жозасски*,
Сначала я подумал, что это анекдот,
Но Феб опять ранен,
И это устроили Вы!

Зори.

Это не я, святой отец,
Честное колдовское!

Фролло.

Кто ещё мог это сделать,
Когда вы с ним были одни в постели!

Зори.

Святой отец,
Вы меня недооцениваете...

Фролло.

Так кто же его ранил?

Зори.

Никто.
Он увидел меня без одежды,
Закричал и упал...
Хотите узнать об этом больше –
Спросите меня, как.

* – Моё имя в дружеском кругу. – Т. С.

Фролло.

Какой блеск в её глазах, а!
Ох уж эти дети Чернобыля,
Все они так и светятся,
А вы знаете, как радиация
Влияет на мужчин!

Зори.

Вам-то что, Вы священник!

Фролло.

Я священник, но я – люблю!
Люблю... и люблю...
Эххх...

Зори.

Эххх...

Фролло.

Тихо, шестёрка, а то я тебя повешу!

Зори.

Ну-ну,
Сказала собака Баскервильей,
Встретив Герасима.

Фролло.

Ну всё, пытать её.

Палач.

Чёрт, ни один испанский сапог не налезит!
Ну и размер у тебя...

Фролло.

Идиот,
Надень сапог ей на палец...
Идиот,
На средний...
А теперь сжимай,
Сжимай...
Так – хорошо?

Зори.

О, ещё! ещё!

Фролло.

Сжимай!!!

Зори.

Ещё!!!!!!!!!!!!!!

Фролло.

Сжимай!!!!!!!!!!!!!!

Зори (в экстазе).

Аааааааааа.....

Фролло (в экстазе).
Уффф.....

Зори.
Ещё!

Фролло.
Забыл, что я у тебя хотел спросить...

Зори.
Ещё-оооо-о!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Фролло.
Попытка не пытка.

Зори.
Ой, святой отец,
А почему дядя палач упал в обморок?

Фролло.
Да, увы...
Придётся перейти к приговору.

Зори Жозасски,
Вы, непосредственно посредством посредственных стихов
Под пыткой заставившая меня пытать уши слушателей,
В соответствии с законом об авторских правах на меня –
Будете задушены Люком Пламондоном.
Непосредственно.

Зори.
Уп-с.

вечер 25 июня 2002 г.

Самолётник, мой самолётник...
(*Von Maître, Mon Sauveur*)

Фролло и Квазимодо
стоят на краю крыши Собора Нотр-Дам.

Квазимодо.

Фролло, ты, наверное, не поймёшь,
о чём я,
Но здесь, на этой высокой башне,
Ты напоминаешь мне самолётник.

Фролло.

Самолётник?

Квазимодо.

Сложенный из бархатного листка...

Фролло.

Склеенный из наждачной бумаги!

Квазимодо.

Грациозно берущий курс на Луну...

Фролло.

Захваченный террористами!

Не смотри вниз, Квазимодо,
Там, на твёрдой земле,
Однажды оказываются все самолётики,
Потому что в их сердце отказывает автопилот,
Потому что, когда раскроешь глаза на силу Притяжения,
Подкашиваются шасси...

Квазимодо.

Вот и я о том же,
О том же...

Фролло.

До ре ми фа соль ля си и – до!
Ты не помнишь... Курт Кобейн, как он умер?
Ты не знаешь, с кем я его перепутал?
Отсюда хороший вид на Белоруссию,
Я знаю, что это она, я видел её в кошмарах
После того, как прочёл Зорины переводы...
Кто поставил там, внизу, козочку Эсмеральды?

Квазимодо.

САМОЛЁТИК!!!!!!.....

Запускает Фролло с крыши Нотр-Дама.

23 июня 2002 г.

Быть козой и любить ксендза
(на музыку *Etre Prêtre et aimer une Femme*)

Мне показалось несправедливым,
что никто в этом мюзикле
не объясняется в любви к Фролло,
и я предлагаю, чтобы козочка Эсмеральды...
ну в общем, козочка Эсмеральды...

Козочка.

Как сладко я паслась
На заливных лугах
И танцевала рэп на площадях.

И когда б кто-нибудь
Из меня стал доить молоко,
Я подумать не могла б ни о чём *таком*.

Меееееее,
Я коза и люблю ксендза.
Ме-меее,
Я забыла мои луга.

Прежде колоколов
Я не слушала звон,
Мне вполне моих хватало бубенцов.

Но к собору теперь
Хожу я каждый день
И в келье потайной высматриваю тень.

Меееееее,
Я коза и люблю ксендза.
Ме-меее,
Я забыла мои луга.

Носила на плечах
Золотое руно,
Словно Агнец была, и Пастырь был со мной!

Но, увы, на заре
Я раскрыла мой хлев,
И теперь ты один – мой кумир на Земле.

Меееееее,
Я коза и люблю ксендза.
Ме-ме,
Уи, ме-ме,
Я забыла мои луга.
Меееееее,
Я коза и люблю ксендза.

Правой лапой режь,
Левой лапой жарь,
Но лап своих не отнимай!

Порви на тулуп
И надевай,
Твоим тулупом быть – мой рай.

Меееееее,
Я коза и люблю ксендза.
Ме-ме,
Уи, ме-ме,
Я забыла мои луга.
Меееееее,
Я коза и люблю ксендза.

Ксендза...

14 июня 2002 г.

